

ПЁТР ЛОПАТОВСКИЙ

*Ленинградка
Валя*

Петр Лопатовский

Ленинградка Валя

<https://litres.ru/73494139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почти не осталось тех, кто прошел сквозь ад войны, познал ужасы концлагерей и голод блокады. Пока они были живы, то хранили свои воспоминания, редко открывая их даже самым близким. Поэтому столь ценно запечатлеть эти уникальные свидетельства глубины человеческих переживаний – от невыносимого страдания и нестерпимой боли, до безграничной любви и непоколебимой веры. Они не должны кануть в Лету, не должны остаться безвестными, для поколений, которые уже далеко отстоят от событий Великой Отечественной Войны - самой страшной войны в истории. В этой книге я попытаюсь вдохнуть новую жизнь в те немногочисленные откровения, которые мне посчастливилось услышать от свидетелей тех времён. И прежде всего женщины, чья жизнь прошла через цепь многих трагических событий. Ей пришлось узнать не только потерю близких, голод и холод блокады, но и ужас немецкого лагеря. Она выжила, она выстояла. Но остается непостижимым, как хрупкое человеческое сердце могло вынести такие испытания и при этом не разбиться

Содержание

Предисловие	5
Первые дни	17
Жизнь в потёмках	24
Октябрь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Петр Лопатовский Ленинградка Валя

«Войны прокляты матерями.»

Квинт Гораций Флакк

Предисловие

**Многих из тех, кто прошел
сквозь ад войны, познал ужасы
концлагерей и голод блокады
уже нет среди нас. Пока они
были живы, то несли свои
воспоминания, как незаживающие
раны, редко открывая их
даже самым близким. Словно
запечатывая в памяти, они
хранили молчание, стараясь не
тревожить покой тех, кто не дожил
до конца войны и заветного дня
Победы. Именно поэтому столь
бесценно сохранить и запечатлеть
те редкие моменты, когда эти
люди, открывались в откровенной**

го календаря, висевшего на стене кухни, было двадцать первое июня сорок первого года. Валя, прильнув к окну, задумчиво поглаживала округлившийся живот. Ей было двадцать семь, и она была счастлива. По залитой солнечными лучами улице быстро промчался красный трамвай. Рыжеволосый парень вскочил на подножку и держась одной рукой за поручень, махал кому-то в толпе пешеходов. Они спешили по своим делам: мужчины в широких брюках и рубашках с коротким рукавом, женщины в разноцветных платьях, со двора раздавался детский смех. После окончания института Валентина успела проявить себя в своей любимой профессии геолога, занимаясь изучением недр земли и поиском полезных ископаемых. Но в этот момент ее мысли были заняты совершенно другим. Ожидание ребенка – это не просто трепетная радость, а целая вселенная новых ощущений и тонких переживаний, полностью захватившая сердце Вали. Ее сын, маленький Саша, увлеченно возился с потрепанным игрушечным медведем прямо посреди комнаты. Рядом стоял Ринат, ее муж, и в его взгляде смешались надежда и внутренняя тревога. Он купил билеты в Театр оперы и балета имени Кирова на премьеру оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин». Он очень хотел попасть на эту премьеру, однако его супруга неважно себя чувствовала, и к тому же они так и не решили с кем оставить своего сынишку. Умный, уверенный в себе, Ринат был человеком несгибаемых принципов. Инженер-строитель, в свои двадцать девять лет, он успел испытать тяже-

лые удары судьбы. Он очень рано осиротел. Страшная эпидемия тифа в маленькой деревеньке под Уфой унесла жизни его родителей, брата и трех сестер. Сложная жизнь в интернате, голод и нищета не сломили его, но выковали стальной стержень, научили полагаться только на себя. С таким негибачаемым стержнем и несомненным даром к проектированию, ему, казалось, были доступны любые вершины. Хотя, он видел и то, как с таких вершин людей низвергали на самое дно. Ринат свято верил: всем, что у него есть, он обязан советской власти, и он у нее в неоплатном долгу. Валя обернулась и оглядела комнату. На стене — карта СССР с флажками мест, где она бывала в экспедициях. В правом углу чертёжная доска Рината и его рабочий стол. Слева сервант, на полках которого стопка книг о минералах и фото в рамке — они вдвоём на берегу Ладоги в 1939 году. В комнате тихо, лишь изредка из распахнутого окна доносится гул трамвая с Большого проспекта. Но если прислушаться, то можно услышать: детские голоса, крики разносчиков газет, далёкий оркестр из парка. Валя снова посмотрела в окно, и оперлась на подоконник. Ринат подошел и осторожно положил руки ей на плечи.

- Ты опять молчишь. О чём думаешь?

- О том, как он там. Вчера вечером так сильно толкался — будто хотел что-то сказать.

Ринат улыбнулся.

- Наверное, недоволен, что мы его не назвали. До сих пор

спорим: если мальчик — Альберт или Михаил?

- Хорошо, что с девочкой решили — ты больше не настаиваешь на имени Лидия?

- Больше нет — Маша мне очень нравится. В честь твоей бабушки. Она ведь одна тебя поддержала, с профессией.

Валя кивнула и ее взгляд ушел в даль.

- Да... Бабушка всегда говорила: «Геолог — это не профессия, это судьба».

- Если будет мальчик, то наверняка станет архитектором. Будем вместе проекты рисовать — произнес Ринат и ласково притянул к себе Валентину. - Ты уже лучше себя чувствуешь?

- Да, уже лучше. Знаешь, последнее время мне снится одно и то же: мы с тобой на берегу Ладоги, а вокруг — огромные валуны, на них какие-то рисунки, но они все в мхах. И я всё время пытаюсь разглядеть, понять, что там нарисовано...

- Это ты по полевым работам тоскуешь. После родов вернёшься в институт, я помогу с диссертацией. Обещаю. — произнес ласково Ринат.

- Не знаю... Сейчас я думаю только об одном. А экспедиции, как-нибудь потом.

- Да, конечно.

Ринат отошел к чертёжной доске. На ней — набросок жилого дома. В его стиле не было классицизма или эклектики, столь распространенных в то время. Это было нечто новое, смелое, выходящее за рамки привычного. Стремясь к

максимальной функциональности, Ринат не забывал о художественной выразительности. Линии были четкими, геометрически выверенными. На чертеже просматривалась асимметрия композиции, но без излишней нарочитости. Отсутствие декоративных элементов, лишь чистая форма и материал. Окна, крупные, панорамные, обещали наполнить комнаты светом и воздухом. На эскизе угадывались балконы, не типичные для сталинского ампира, а скорее лоджии или террасы, интегрированные в общий объем дома и придающие ему некоторую динамику.

- Смотри, что сегодня придумал. Хочу вписать в фасад мотив волн — как отсылка к Неве. Что скажешь?

Валя подошла поближе, и провела пальцем по линии карниза.

- Красиво... Тебе конечно, нужно не мостами заниматься, а вот этим. Ты всегда добавляешь, что-то живое. И как только у тебя получается?

- Это потому что архитектура — как застывшая музыка. А музыка — это движение. Вот наш малыш это знает.

Валя снова положила руку на живот и улыбнулась. В этот момент в дверь постучали.

- Это наверно соседка.

Ринат открыл дверь и на пороге действительно появилась их соседка по лестничной клетке Марья Ивановна.

- Валя дома?

- Да. Проходите.

- Я ненадолго. В Разлив ездила. Вот лесной земляники привезла. Она в этом году на удивление ранняя... Говорят, беременным очень полезна.

- Спасибо, Марья Ивановна! А мы, как раз чай заварили. Будете?

Соседка прошла в комнату, и тут заметила чертёж.

- Ой, Ринат, опять красоту творите! Когда же вы свой дом построите?

- Когда Валя разрешит. Она всё критикует: «Слишком пышно! Давай попроще».

- Потому что простота — это честность. Как в геологии: камень не обманет — рассмеялась Валя.

- А мне нравится. Вы подумайте Ринат. Свой дом — это свой дом. Уж простите мне такие мещанские разговоры, но когда дома свой архитектор, то стоит подумать.

Валя быстро сходила на кухню и накрыла стол скатертью в мелкий цветочек, расставила на нем фаянсовые чашки, и сахарницу с розочками. За окном уже наступил вечер, но небо осталось светлым, словно не хотело отпускать этот последний мирный день.

Известие о войне, как черная туча, накрывшая тысячи молодых семей, не миновало и Валу с Ринатом. Миллионы людей замерли у репродукторов, слушая бесстрастный голос Левитана, произносившего страшные слова, от этого казавшиеся нереальными. Все говорили об этом, думали, но ни-

кто не ожидал, что так скоро. Ночь на 23 июня 1941 года запомнилась многим ленинградцам. В городе была объявлена первая воздушная тревога. Без четверти два ночи раздались сирены, к ним присоединились гудки паровозов и заводов, предупреждая жителей о надвигающейся опасности. Разрывы бомб, оглушительный рокот зенитной артиллерии, отдавались гулким эхом в ночном воздухе. Открылись двери бомбоубежищ, куда устремились охваченные страхом горожане, еще не знавшие подобного. Маленький Саша не мог уснуть всю ночь, и родители пытались его утешить, впрочем, безуспешно.

Институт «Лентранспроект», собирались эвакуировать, и Ринат, как один из ведущих специалистов получил бронь от призыва на фронт. Но решение им было принято. Двадцать третьего июня он подал документы в военкомат и вскоре стал командиром саперного взвода, в 19-ом отдельном инженерном батальоне, с присвоением звания лейтенанта. Для Валентины эта новость была как гром с неба. Если он так решил, спорить было бесполезно. Но принять это, ей было очень тяжело. На девятом месяце беременности Валентине едва хватило сил собрать вещи и проводить Рината на вокзал. Сердце ее сжималось от безграничной тоски, словно прощались навсегда. Какой-то внутренний голос неотступно говорил ей, что Ринат, уже не вернётся. Но что-либо изменить или поменять Валя уже не могла. Ожидая второго ребенка, она с тревогой смотрела на трехлетнего Сашу, ко-

торый не понимал, почему его папа уходит. Валентина пыталась объяснить ему, что Ринат защищает их, но сердце щемило от боли. Прощание было длинным и тяжелым. Валя крепившаяся до вокзала, не выдержала стоя у вагона и разрыдалась. Ринат крепко обнял её и поцеловал. Несколько провожавших женщин смогли помочь Валентине дойти до остановки и посадить в трамвай. Ринат был направлен на карельский фронт, прикрывавший Ленинград. С первых недель, перед саперами встала суровая и непростая задача: ценой жизни, взрывая мосты и минируя дороги, дать возможность частям Красной армии отойти к городу.

2 июля родилась Маша. Это имя Валентина с мужем выбрали давно, если, конечно, родится девочка. Ринат очень хотел, чтобы родилась дочка и принял самое активное участие в выборе имени. Как только появилась возможность, Валя отправила карточку Маши с письмом на фронт. Ответ пришел через неделю. Ринат писал:

«Моя дорогая Валюша!

Пишу тебе эти строки, а сердце мое переполнено счастьем и радостью. Вчера получил весточку из дома – ты родила дочку! Машеньку! Валюша, как же я мечтал об этом! Сашка, наш богатырь, люблю его конечно, но дочка... Дочка – это нежность, это свет, это маленькое чудо, которое будет расти и радовать нас с тобой.

Здесь, на фронте - время тяжелое. Каждый день, как год. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы прикрыть Ленин-

град от врага. Каждый метр земли здесь пропитан кровью и потом, но я знаю, что мы выстоим. Мы обязательно выстоим, Валюша, потому что у нас есть ради чего жить и бороться. У меня есть ты и наши дети.

Я так хочу увидеть Машеньку, прижать ее к себе, почувствовать ее запах, увидеть ее улыбку, такую же, как на карточке. Я представляю, что Саша будет играть со своей сестренкой, что он будет заботиться о ней. Это наполняет меня надеждой и силой.

Ты пишешь, что у вас все в порядке, что вы держитесь. Я знаю, ты сильная, моя Валя. Ты выдержишь все. Береги себя и детей. Скоро, я верю, скоро враг будет отброшен, и мы снова будем вместе. Я обязательно вернусь. И мы будем жить долго и счастливо.

Твой Ринат.»

За навалившимися на Валентину заботами проходил один день за другим, тем не менее она старалась писать мужу, как можно чаще. Конечно ей бы хотелось, чтобы на каждое ее письмо приходил ответ, но такой возможности у Рината не было. Фронт откатывался к Ленинграду с ужасающей скоростью. Сдержатъ напор врага не удавалось даже ценой огромных потерь. Тем не менее Валя надеялась и ждала.

Второе и последнее письмо от мужа пришло к ней десятого августа. С замиранием сердца Валентина развернула

пожелтевший треугольник, словно открывала врата судьбы. Строки письма были ровными и четкими, но дышали тревогой и были лишены теплоты первого письма. Ринат писал о том, что уже третий день их саперная рота пропускает сквозь себя отступающие колонны.

«Моя дорогая Валюша,

Пишу тебе эти строки, сидя в окопе, под аккомпанемент далекой канонады. Уже третий день наша саперная рота пропускает сквозь себя отступающие колонны. Пыль столбом, лица солдат измучены, но в глазах твердая решимость сдержат врага. Немцев еще не видно, но их самолеты с крестами на крыльях рыщут в небе, следя за нашим передвижением. Они летают так низко, что можно рассмотреть ухмылки пилотов. Но мы их не боимся, Валюша, просто у нас на них нет патронов. Мы нужны здесь для другого. Знаешь, я всегда мечтал построить мосты, чтобы соединять берега и людей. А теперь мои знания нужны, чтобы их разрушать. Ирония судьбы, не правда ли? Нам нужно взорвать еще несколько мостов, на ключевых переправах. Надеюсь, успеем до прихода немцев, но времени катастрофически не хватает. Каждый час на счету.

Мы делаем все, что в наших силах, чтобы задержать наступающие на Ленинград орды врагов. Уничтожив эти мосты после прохода наших частей, мы хотим дать им возможность закрепиться, подготовиться к обороне. Я надеюсь, Валюша, вернее верю, что мы сможем сдержать врага.

Береги себя, моя любовь. Пиши мне, как только будет возможность. Твои письма – моя единственная отрада здесь, на передовой.

*С любовью и надеждой на скорую встречу,
Твой Ринат.»*

Он надеялся, уничтожив эти несколько мостов после прохода наших частей, они смогут остановить надвигающуюся на Ленинград тьму. Валентина читая между строк, чувствовала, как угасает в ее муже надежда, оставляя лишь стальную решимость стоять до конца. Сердце ее сжалось в комок, и лишь тоненькая ниточка веры, не подкрепленная ничем, кроме её любви, согревала и успокаивала душу. Спустя две недели, когда Валентина уже начала потихоньку привыкать к трудностям военного времени она получила извещение. Валья уже видела такие, когда их приносили кому-то из соседей и знала, как всё происходит. Она взяла его в руки и, развернув, стала читать. Слова на бумаге стали тяжелыми, как свинец, Валентина, схватившись рукой за стену, с трудом уселась на стул. В извещении говорилось, что 28 августа у д. Вуориярви при исполнении воинского долга ее муж погиб. Эти слова были как удар молнии — они обрушились на нее, оставив после себя лишь пустоту. Царившее вокруг людское горе, частые извещения о гибели мужей, братьев и сыновей создавали фон, который вроде бы мог подготовить человека

к подобному известию, но так только казалось. Теперь это был не фон. Это было личное горе, которое нужно ещё пережить. Но как это сделать молодой матери с двумя маленькими детьми, оставшейся вдовой в окруженном врагом городе.

Первые дни

В Ленинграде жили две старшие сестры Валентины — Нина и Людмила. Они всегда были рядом, поддерживая друг друга в трудные времена. Среди пестрой мозаики городской интеллигенции идеализм был редким гостем, а с началом войны прагматизм стал их главной чертой. После доставшейся высокой ценой больших потерь победы в финской войне, ленинградцы лучше других понимали, что война будет долгой и очень тяжелой. Поэтому, когда муж Валентины решил уйти на фронт, это решение повергло сестер в шок и не вызвало понимания. В такой реакции не было ничего кроме прагматизма и большого жизненного опыта. Ринат был совсем не военным человеком, если так можно выразиться, к тому же у него была бронь, и, беременная жена с трехлетним сыном. Он мог спасти их и себя, не изменив долгу перед Родиной. Но они так же знали, что если он что-то решил, то перечить ему было бессмысленно. И сбылось то, о чем пророчески предостерегала Валентину старшая сестра Нина: «Увидишь, останешься ты одна с двумя детьми, на нашем попечении». Весть о гибели Рината стала сокрушительным ударом. Сестры, несмотря на собственные хлопоты и семьи, всеми силами старались облегчить горе Валентины, окружить ее заботой и поддержкой. У Людмилы муж руководил электроснабжением одного из городских районов. У

них была дочь студентка педагогического института и сын школьник. У Нины подрастали двое детей подростков, а с их отцом она рассталась еще тридцать восьмом. Именно Нина, проницательная и чуткая, поведала Валентине о готовящемся к отправке эвакуационном эшелоне с детьми. Туда брали только детей и при том самых маленьких. Раздумывать времени не было. Будут ли еще такие эшелоны или нет сказать было невозможно. Ситуация ухудшалась каждый день.

- Я с Машей посижу, а ты давай руки в ноги и беги с Сашкой – сурово произнесла Нина.

Вот так просто взять и отправить трехлетнего ребенка неизвестно куда. Эта мысль сводила Валентину с ума, но страх перед надвигающейся бедой и неизвестность оказались сильнее. Валя судорожно собрала какие-то вещи, одела испуганного Сашу, который не переставал тихо плакать и обнявшись с сестрой побежала к трамвайной остановке. Ехать было не далеко, но трамваи ходили с перерывами. В этот раз повезло и два красных вагончика показались из-за поворота.

Валя, крепко держа за руку своего сына, наконец добралась до вокзала, погруженного в атмосферу неуверенности, тревоги и хаоса. Она смотрела на людей, спешащих в разные стороны, и царившее в ее душе отчаяние и боль только усилились. Правда на вокзале было много женщин с детьми, и Валя почувствовала, что не одна в своей беде. Она направилась к группе таких же, как она, мам, которые ожидали

своей очереди на отправку. Собравшись с духом, Валя подошла ближе и встала в очередь, стараясь не думать о том, что ждет ее впереди. Из разговоров, доносившихся от других женщин, стало ясно, что никто из них не знает, куда именно отправляют их детей. Все они были полны тревоги и надежды в равной мере. Когда Валентина наконец подошла к женщине в черной шинели, которая занималась оформлением детей на отправку, ее сердце забилось быстрее. – Скажите куда отправляют наших детей? – спросила она, пытаясь заглянуть в глаза женщины, но та лишь отмахнулась, продолжая заполнять бумаги.

- Да какая сейчас разница, мамаша! В Среднюю Азию. Главное, там нет войны, и с продовольствием все в порядке, – произнесла она, не отрываясь от работы.

Слова этой женщины звучали словно приговор. Валя почувствовала, как страх охватывает ее. Она не могла оставить Сашу, не зная, где он окажется.

- Но как же я потом его найду!?! – в отчаянии воскликнула Валя и ее голос дрожал от волнения.

- Не переживайте, все найдутся, никто не потеряется. Не задерживайте, видите, сколько вас еще, а отправление уже скоро! – ответила женщина, не обращая на Валю особого внимания.

Собравшись с силами, Валентина взяла бумагу, которую ей передала сотрудница, и направилась к поезду. Саша тихонько всхлипывал, не желая показывать свои эмоции, но

его страх был очевиден. На перроне, перед ее вагоном, стояло множество женщин, и среди них было невозможно найти ни одного ребенка, который не плакал. Из окон вагонов тянулись ручонки, слышались детские крики:

- Мама! Я не хочу уезжать! Забери меня, мама!

Сердце Валентины сжималось от боли, но она повторяла себе, что другого выхода нет. Собравшись с духом, взяла Сашу на руки и подошла к вагону. Она старалась не думать о том, куда отправляет сына, и в голове у нее осталась только одна мысль:

- Только так он выживет, только так.

У двери вагона стояла другая женщина, также в черной шинели. Она попросила у Валентины бумаги и внимательно прочитала их. В этот момент Валя почувствовала, как ее сознание начинает помутнеть. Она не помнила, как передала Сашу женщине. Как мальчик вцепился в ее руку, как в спасательный круг, а женщина с силой тянула его на себя. Он кричал, и Валя пыталась что-то сказать, но слова не шли. Она не могла вспомнить, как прошла вокзал и как подошла к трамвайной остановке. Вокруг нее были люди, которые ждали своего трамвая, но она не могла сосредоточиться на них. Вдруг в ее сознание ворвался детский голос: «Мам, мама!» Валя обернулась, и перед ней стояла молодая женщина, а за рукав ее дергал маленький мальчик. Он не был похож на Сашу, но по возрасту был примерно таким же – ему было около трех или трех с половиной лет. В этот момент как будто

молния ударила ей в виски, и Валя поняла, что творит что-то ужасное. Всё вокруг расплылось, и она осталась одна со своей болью и страхом. Валентина не могла понять, как оказалась здесь, среди людей, которым до нее не было никакого дела. Она чувствовала себя потерянной, ее сердце сжималось от горя. Вокруг нее продолжали двигаться люди, но для нее мир остановился.

- Да что же я делаю! Куда?! Куда я его отправила? Я же не найду его больше, никогда! – произнесла она вслух, не в силах сдержать свои эмоции.

Не помня ничего и ни о чем больше не думая, она бросилась через вокзал к поезду. Посадка уже заканчивалась. У вагона еще стояли женщины и вытирали лица платками. Валентина просто ворвалась в вагон.

- Вы, что? Вы куда, женщина? – закричала на нее все та же принимающая.

- Я передумала, я не согласна. Я его заберу – проталкиваясь вперед, говорила Валя.

- Да, что вы в самом деле, здесь вам не детский сад – с досадой, но без гнева сказала женщина.

- Вот именно, не детский сад.

- Зовут как?

- Саша. Он в пальтишке, коричневом...

- Да, я вспомнила его – сказала женщина в шинели.

Она указала Валентине на угол в тамбуре, а сама прошла в вагон. Спустя несколько минут она вернулась, держа за руку

Сашу. Мальчик, увидев маму заплакал, заплакала и Валентина.

- Женщина, здесь напишите, что отказываетесь от эвакуации ребенка и подпишитесь.

Валентина написала на протянутой бумажке и поставила подпись. От сердца отлегло, выйдя на перрон она наклонилась и расцеловала сына.

- Ну что ж, если погибать, так вместе – сказала она, уже выходя из здания вокзала.

Она доехала на трамвае до своей остановки на Васильевском острове и пошла к дому. Весь вечер она провела рядом с сыном, который не мог ее отпустить от себя даже ненадолго. Утром он успокоился, дочку Валя крепко запеленала и вынесла на балкон. Ей нужно было идти за хлебом. У подъезда она встретила соседку Анну. Та посмотрела на Валентину с выражением полным горя.

- Ты не отправила, Сашу?

- Нет, то есть я собралась, но решила не отправлять.

- Вот это ты правильно сделала. Представляешь. Вчера загрузили целый поезд детишек, там и крохи совсем ехали, как Саша твой. А через несколько часов на них налетели эти твари, будь они прокляты. Бомбили полчаса наверно. Весь состав сгорел - Анна разразилась рыданиями и уже не могла ничего сказать.

Ее супруг так же, как и Вали ушёл с первым призывом и пропал без вести, где-то на подступах к городу. Хотя своих

детей у Анны не было, она их очень любила и могла подолгу с ними нянчиться, чем и пользовались некоторые ее подруги. Валентина оперлась о стену дома и стала мертвенно бледной. Она всем своим существом ощутила весь ужас сказанного. Если бы она не забрала Сашу, он бы сгорел в том поезде.

Несколькими неделями позже Валентина узнала, что некоторым детям повезло и они не погибли, хотя были ранены. Позже их вернули в город. Других эшелонов с детьми сформировать уже не успели.

Жизнь в потёмках

Петля на шее Ленинграда затягивалась всё туже, продукты становились все более дефицитными. С каждой неделей ситуация ухудшалась. Валентина в самом конце августа подала документы на эвакуацию, но было слишком поздно. Хотя она и имела на это право, возможностей для эвакуации практически не осталось. Мать с двумя маленькими детьми была серьезной обузой для города и если бы не та скорость, с которой подошли немецкие войска и возникшая в связи с этим неразбериха, она успела бы уехать. И таких, как она в городе было много. Валентина пыталась достать что-то из продуктов в магазинах, но очереди становились бесконечными, а запасы истощались. Как мать одиночка, она попадала в категорию иждивенцев. Это означало, что ей полагалось половина от нормы тех, кто работал. Со 2 сентября эта норма была 300 граммов хлеба в день. Ее сестры собирали все силы, чтобы прокормить свои семьи и хотя бы немного помочь Вале, но им было сложно. И эта помощь становилась всё меньше, вместе с уменьшением выдаваемого хлебного пайка. Приходилось выкручиваться, варить отвары из трав, иногда покупать картошку на рынках, где цены взлетели до небес. Людмила, будучи сама матерью двоих детей, часто приходила к Валентине с продуктами, которые ей удавалось раздобыть. Она понимала, что Валины дети еще очень ма-

ленькие и им требуется больше витаминов, чем более взрослым детям. Нина, в свою очередь, пыталась найти способы обмена — отдавала свои вещи в обмен на еду. Но даже такие меры не всегда давали результат. Каждый день становился борьбой за выживание. Время шло, а надежда на лучшее становилась все призрачней. Валентина, несмотря на все трудности, старалась поддерживать дух семьи. Она читала Саше сказки, чтобы отвлечь его от ужасов реальности и не показывать, как ей на самом деле страшно.

Вечером 8 сентября Ленинград подвергся артобстрелу, а ночью самой мощной массированной атаке немецкой авиации. Непрерывный вой сирен воздушной тревоги сливался с грохотом зенитных орудий. Несмотря на отчаянное сопротивление сил ПВО, гитлеровских бомбардировщиков было слишком много и им удалось прорваться сквозь заслон. Цели противника были очевидны, а навыки маскировки у ленинградцев ещё оставляли желать лучшего. Самолеты засыпали город сотнями зажигательных бомб. В разных районах Ленинграда вспыхнули десятки пожаров, но это было только начало. Следом пришла вторая волна бомбардировщиков, сбросивших фугасные бомбы, по выбранным заранее целям. Разгоревшиеся пожары были отлично видны и давали верный ориентир. В результате бомбардировки были разрушены и охвачены огнем жилые здания и административные учреждения, но самым страшным ударом стало уничтожение Бадаевских складов с запасами продовольствия. Горизонт за-

волокло черным дымом, который был виден из любой точки города. Огромные запасы муки и сахара, жизненно необходимые жителям, были уничтожены.

О случившемся Валентина узнала на следующее утро. В осажденном Ленинграде вести распространялись быстро, а плохие новости – молниеносно. Выйдя с детьми из убежища на рассвете, она встретила свою соседку Тамару, типичную представительницу городской интеллигенции, работавшую редактором в газете и постепенно менявшую свой саркастичный взгляд на жизнь на плоско-реалистичный.

– Валя, ты понимаешь, что нам всем конец? – огорошила она Валентину.

– Почему конец?

– Значит, не знаешь? Всё, теперь мы без хлеба. Какими же надо быть..., чтобы не понять, что они будут бомбить склады. Что мы теперь будем есть?

Валя поняла, что Тамара находится в состоянии шока, но всё же спросила:

– Объясни толком, что произошло?

Женщина указала на затянутое черными тучами небо и произнесла приглушенным голосом:

– Это горит наш хлеб. Бадаевские горят.

Тамара вытерла появившееся на глазах слезы, и больше не сказала ни слова. Осознать все последствия произошедшего Валентина смогла только через несколько дней. Она никогда не интересовалась где, и какое продовольствие хранит-

ся в городе. Хотя таких разговоров вокруг нее происходило много. На территорию складов было сброшено 280 зажигательных бомб. В результате сгорело около сорока деревянных ангаров, в которых, по официально опубликованным архивным данным, находилось 3000 тонн муки и 2500 тонн сахара. После ликвидации пожара на пепелище было собрано до 1000 тонн горелой либо залитой водой муки и до 900 тонн горелого сахара. В сорок втором году была собрана даже земля на месте пожара, пропитанная патокой. Ее как могли очищали и растворяли в кипятке.

Прижав к себе Машу и держа за руку Сашу, Валентина добралась до трамвайных путей, за которыми находился их дом. Там она увидела толпу людей, собравшихся у остановки. Рядом стояли двое солдат в касках, а чуть поодаль – искореженный трамвай. Валентина подняла глаза и увидела, что в доме за остановкой разрушены два верхних этажа. Из проема на верхнем этаже торчал рояль. Он чудом не упал вниз, зацепившись за край стены, а с его крышки свисало белое кружевное покрывало. Оно вызывало ассоциацию с саваном. Рядом с солдатами Валентина увидела девушку всю в слезах. Эта девушка сидела рядом с Валею в бомбоубежище, и они обмолвились несколькими словами. Валя всё поняла. Бомба угодила в дом этой девушки. Там оставалась ее мать. Женщина совсем ослабла от болезни, передвигалась с трудом и не захотела спуститься в бомбоубежище. Девушка бросилась к солдатам, пытаясь пробиться сквозь толпу.

- Пустите! Там моя мама! - отчаянно кричала она, но ее никто не слушал.

Солдаты держали оцепление, не подпуская никого к опасным развалинам. Кругом стоял смрад гари, пахло битумом. Люди переговаривались вполголоса, многие плакали. Валентина увидела, как два санитары вынесли тело, накрытое простыней. Она побоялась остаться и быстро пошла домой.

Конец августа и начало сентября прошло для Вали под знаком ее личной трагедии – гибели мужа. Однако, жизнь не останавливалась, и становилась все сложнее и тяжелей. Работа – недостижимая мечта для Валентины. Маленькие дети требовали постоянного внимания, а отсутствие яслей и детских садов в условиях блокады сделали невозможным выход на службу. Закрытый круг отчаяния: без работы нет денег и уменьшенный поек, а без еды они не выживут. Она уже много раз обращалась в ЖЭКи и домоуправления, в госпитали и госучреждения, в которых оставались знакомые. Везде – вежливый отказ. Наконец ей повезло. Благодаря тому, что у Вали была швейная машинка "Зингер", ей удалось получить от нескольких госпиталей заказ на пошив белья и халатов. Ткань ей выдавали строго под заказ. Валя принялась за работу с остервенением, которое диктовалось не только необходимостью, но и желанием хоть как-то отвлечься от гнетущих мыслей. Швейная машинка "Зингер" - подарок сестры на свадьбу, стала ее спасением, верным союзником в борьбе за выживание. День и ночь, при свете тусклой керосино-

вой лампы, она строчила, метр за метром превращая грубую ткань в больничные халаты. Каждый стежок был наполнен надеждой, что те, кто будет носить эти вещи, вспомнят о ней. Работа была изнурительной, но Валя не сдавалась. Она понимала, что от ее труда зависит не только благополучие ее семьи, но и жизни раненых солдат, нуждающихся в чистой одежде и уходе. Порой руки немели, спина болела, а глаза слипались от усталости, но она находила в себе силы продолжать. В перерывах между шитьем она кормила детей, убаюкивала их, стараясь не показывать им свой страх и волнение. С каждым выполненным заказом Валя чувствовала прилив сил. Полученные за работу деньги позволяли купить немного еды, чтобы накормить детей и самой не упасть от голода. Это была настоящая удача, так как работать можно было на дому, однако за детьми все равно нужен был присмотр. Валя должна была отвозить выполненные заказы, и потом получать и привозить домой ткань. На это уходило много времени, так как трамваи ходили все реже и не по расписанию. В эти моменты за детьми присматривала сестра Валентины Людмила, а иногда соседка по подъезду. Взаимная поддержка и сострадание помогали людям выживать в этом страшном аду.

Время шло, война продолжалась, а жизнь в Ленинграде, окруженном со всех сторон врагом, становилась все тяжелее. В двадцатых числах сентября заболел Саша, а сидеть с ним постоянно никто не мог. Соседка сама еле передвигалась на

больных ногах и практически не выходила из квартиры, а Людмила была полностью занята своей семьей. Выполнять заказы теперь стало невозможно. Но Валя не теряла надежды. Она верила, что война закончится, что ее дети вырастут и у них будет счастливая жизнь. Иногда, когда дети засыпали, она доставала из серванта письма мужа, написанные им в разное время до войны и его фотокарточку. Она ставила ее на стол рядом с собой и перечитывала их, как будто вела с Ринатом беседу. Так Валя находила в себе силы жить дальше, бороться за будущее своих детей.

С приходом блокады город погрузился в непроглядную тьму. И это была не метафора. Окна домов, заклеенные газетами и другими подручными материалами, должны были плотно закрываться с началом сигнала тревоги. Валя собрала несколько кусков картона, склеила их между собой и покрасила одну сторону в черный цвет. Сначала она выставляла эти щиты в окна каждый раз, когда раздавался сигнал тревоги, но вскоре поняла, что лучше оставить их на месте, за исключением окна на кухне, где она иногда готовила. В квартире и без того короткий осенний северный день превратился в постоянный сумрак. Включать свет она боялась, а с середины сентября электроснабжение в ее доме не действовало. Основными источниками света стали две керосиновые лампы, которые Валя бережно использовала, чтобы хоть как-то осветить свое пространство. Светомаскировка,

однако, не ограничивалась только квартирами и кабинетами учреждений. На улицах города не зажигались фонари, а в подъездах домов также потушили освещение, что создавало впечатление полной изоляции и безысходности. Город оказался окутан тьмой, и это ощущение было повсюду. Перемещение по улицам после десяти вечера стало строго запрещено – действовал комендантский час. Даже для тех, кто имел специальные пропуска, прогулки или поездки по городу были сопряжены с большими трудностями. Фары автомобилей включать также было запрещено, и это при том, что передвижение военной техники и солдат ночью стало даже более активным, чем днем. Кроме того, на улицах были отключены светофоры.

Октябрь

Жизнь Валентины в блокадном городе превратилась в бесконечную борьбу за выживание. Каждый день, как только забрезжит рассвет, она отправлялась в путь за драгоценным кусочком хлеба, зная, что его едва хватит, чтобы утолить голод двух маленьких детей. Сначала в паек для Маши давали сухое молоко и смеси, но с каждой неделей получить их становилось всё сложнее. Если бы не оставленный запас крахмала, заготовленный еще весной они бы не выжили. Из него Валя с мужем планировали сделать клейстер для поклейки обоев. Теперь этот белый порошок стал спасительным источником калорий. Крахмал нужно было просеять и аккуратно всыпать в 100 мл воды комнатной температуры, а затем тщательно перемешать до однородности. Потом вскипятить воду и тонкой струйкой влить крахмальную массу в горячую жидкость, интенсивно помешивая. Эта липкая и не приятная на вкус масса стала основной пищей в семье Вали. Зловещие признаки голода уже ничем не прикрытые появлялись всё чаще. В городе исчезли собаки, кошки и голуби, остались только крысы. Источником пищи могло стать всё, что содержало хоть какие-то питательные вещества. Если сентябрь выдался сухим и даже теплым, то октябрь принес промозглые дожди и туманы с Невы. Настроение у Вали было тягостным. Город жил в постоянном страхе. На улицах

появились таблички с надписью:

Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна.

Когда голод сильно подточил и затуманил сознание людей, именно эти таблички помогали сориентироваться и убежать при артобстрелах. Вой сирен, разрезающий ночную тишину, заставлял Валентину вскакивать с постели и, схватив детей, бежать в ближайшее бомбоубежище. Холодный и сырой подвал становился временным пристанищем, где они, прижавшись друг к другу, ждали отбоя. Однажды, когда она возвращалась с хлебом, прямо на ее глазах снаряд попал в дом, где она жила. Взрывная волна сбила Валу с ног, хлеб выпал из рук и разлетелся по грязной дороге. Обезумев от страха, она бросилась к дому, где остались дети. Сердце бешено колотилось, в голове мелькали самые страшные картины. К счастью, снаряд каким-то чудом не разрушил стену, и она почти не пострадала. Валентина вбежала в квартиру, Саша, испуганный, сидел на кровати и плакал. Валя обняла его, прижимая к себе, и долго не могла успокоиться. В тот вечер они ели чуть подмороженный клейстер и крохи хлеба, собранные с земли. Валентина ради детей была готова бороться до конца, но настоящим испытанием стала подступающая зима.

В конце октября сорок первого в Ленинграде наступили самые страшные дни.

С каждым днем становилось все холоднее, а отопления не

было. Мороз сковывал город, проникая в дома сквозь щели в окнах. Валентина пыталась утеплить жилье, заклеивая и затыкая щели газетами и тряпками, но безуспешно. Она кутала детей в старые одеяла и пальто, пытаясь сохранить хоть немного тепла. Каждая ночь превращалась в испытание на выносливость. Теперь нужно было не только бороться с голодом, но и с холодом, который пробирал до костей. Время тянулось медленно, как густая смола, и Валентина чувствовала, что силы покидают её. словно проблеск надежды, пришло известие от ее родителей, оставшихся с началом войны в Никольском недалеко от поселка Вырица. Теперь они находились в глубоком тылу врага, и связь с ними была потеряна. Валентина не знала, живы ли они, возможно, погибли во время сражений или немецких налетов. Весть доставил угрюмый и немногословный мужчина, назвавшийся Тимофеем. В письме мать Валентины сообщала, что они живы и в общем здоровы. Немцы лишь ненадолго заняли Никольское, разграбили дома, но затем ушли, и теперь их там нет. Запасов продовольствия немного, но на зиму должно хватить, поскольку летом удалось сделать необходимые заготовки. Родители очень скучают по дочери и мечтают увидеть внучку. Татьяна Осиповна писала, что знает о бедственном положении в городе и предлагает Вале переехать к ним. Если Валя решится, человек, доставивший письмо, сможет оказать помощь в дороге. Валя сложила письмо и вытерла навернувшиеся слезы.

- Скажите, мама пишет, что вы можете помочь мне добраться до них. Это правда?

- Да, - отрезал Тимофей.

- Но у меня двое маленьких детей, младшей всего три месяца.

- А она не указала, сколько стоит моя помощь? - спросил Тимофей, будто, не обратив внимания на ее слова.

Валентина опешила от такого прямого вопроса. Стоимость... Она даже не подумала об этом. В голове роились мысли о голоде, холоде, о детях, чьи щеки впали, а тела стали легкими, словно птичьи перышки. Разве можно брать плату за спасение, за жизнь?

- Нет, - прошептала она, чувствуя, как надежда, слабо тлеющая в ее душе, начинает угасать. - Мама ничего не написала о плате.

Тимофей задумался, словно взвешивал что-то в уме, прикидывая свои выгоды и риски. Долгие секунды тянулись, словно зимние сумерки. Валя почему-то не подумала о том, что ее от родителей отделяет не только физическое расстояние, а широкая линия фронта, непрекращающиеся бои, мины и другие преграды, которые ей самой, да любому ленинградцу в ее положении преодолеть невозможно. Ее мама конечно все очень тщательно взвесила и продумала, так что если и был человек способный провести Валу к родителям, то он сейчас стоял перед ней.

Сумма, которую озвучил Тимофей, была не просто боль-

шой, она была неподъемной для Валентины. За время, проведенное в окружении, ее финансы сильно истощились, а особых ценностей у Вали не было.

- Мне нужно время подумать – тихо произнесла она.

Взгляд ее собеседника и без того тяжелый, стал еще мрачнее.

– Ладно, – наконец проговорил он, будто неохотно уступая. – Я пробуду в городе неделю, и утром в следующий четверг зайду. Если решишься, то всё должно быть уже готово. Но учти, дорога будет трудной. Опасностей много, и с детьми будет тяжело. Не обещаю, что доберемся. Валентина только кивнула. Тимофей ушел, оставив ее в сильном волнении. Нужно ли соглашаться на это безумное предприятие или лучше остаться в городе, в котором голод день ото дня становился только сильнее? Если выбрать первое, то где достать денег на дорогу? И можно ли довериться совершенно ей незнакомому человеку, который может в любой момент бросить ее с детьми и сбежать? Поиском ответов на эти вопросы она промучилась до конца дня, но так и не нашла их. Она только пообещала себе, что сделает все возможное, чтобы спасти своих детей, и, если потребуется, пожертвует собой ради них.

Через два дня после встречи с Тимофеем, Валентина получив по карточкам немного хлеба, поднималась по лестнице. Валя жила на пятом этаже и преодолеть эти высокие пролеты ей было тяжело. Каждый раз, когда она проходила чет-

вёртый этаж из тридцатой квартиры слышался детский плач. Он был, как постоянный фон, никогда не смолкавший и монотонный. Но в этот раз Валентину встретила тишина. Она остановилась тяжело дыша, и на мгновение подумала, что может у нее пропал слух, но во дворе кто-то громко выругался. Валя прошла к двери в квартиру и потянула ручку на себя. Она не отдавала отчета зачем, ей просто было важно узнать почему он не плачет. Двери в доме почти никто не запирает и Валентина прошла внутрь. Через минуту она снова появилась на пороге. Ее худое посеревшее лицо, стало неподвижным. В глазах женщины застыл ужас. Она уже многое видела, но сейчас это была грань, за которой началось отчаяние, безумие и смерть. Стало очевидным и ясным, какая участь ждет ее и детей. Надежды больше нет. Она не помнила, как пришла к себе, и села на стул. Валя сидела в своей холодной маленькой комнате, прислонившись к стене. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь редкими звуками из соседних квартир. Она взглянула на своих детей: старший, трехлетний Саша, играл с деревянной игрушкой, а младшая, крошечная Маша, мирно спала в колыбели. Сердце Вали сжималось от горечи и страха. Каждый день становился испытанием, а с каждым новым ревом сирены надежда на лучшее становилась всё призрачней. Вспоминая мужа, Валя не могла сдержать слез. Он ушел на фронт, оставив ее одну с двумя детьми. Она помнила, как радостно они ждали рождения ребенка, как мечтали о будущем, полном счастья.

Но теперь эти мечты были разбиты, как упавшая со стола чашка. Голод, уже просунул свои костлявые руки в каждый дом, в каждую квартиру к тем, кто ослабел, а значит и к ее детям. Он был готов в любой день вырвать из них еле теплившуюся жизнь. На дворе было двадцать первое октября, а Тимофей обещал появиться двадцать шестого. За эти дни Валентина должна найти нужную сумму или этот шанс будет упущен навсегда. Единственный человек, которой мог ей помочь была сестра Людмила. Валя немного отдохнув и покормив детей снова вышла на улицу. Звонок в дверь прозвучал резко и чуждо. Долгая пауза. Наконец, дверь приоткрылась. В проеме появилась Людмила. Она обрадовалась сестре и пригласила ее пройти на кухню. Валя заметила, что Люда сильно осунулась и часто кашляет. В их доме отопления не было с конца сентября. Валентина рассказала о письме матери и сообщила, что с родителями всё хорошо. Людмила обняла сестру, расплакалась, и долго не могла успокоиться. Наконец она вытерла слезы краем платка, который был у нее на плечах и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.